

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.17223/18137083/94/8

**О монизме и дуализме языковой картины мира
Г. Д. Гребенщикова: Сибирь vs Россия / Сибирь vs Америка**

**Жанна Болатовна Селиверстова¹
Жанар Абинсериковна Джамбаева²**

^{1,2} Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Астана, Казахстан

¹ seliverst.zh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6686-3368>

² dzhambayeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3080-1194>

Аннотация

Рассматривается проблема цельности и многообразия языковой картины мира (далее – ЯКМ) писателя, публициста, эмигранта первой послереволюционной волны Г. Д. Гребенщикова. Основные результаты исследования связаны с анализом ключевых образов ЯКМ писателя. Исследование позволяет говорить о том, что в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова выделяются два концептуальных ядра: Сибирь и Америка. Образ Сибири находится в центре доэмигрантской картины мира писателя и переживает первичное концептуальное сопоставление с образом России. После эмиграции в США образ Сибири усиливается под влиянием паритетного сопоставления с образом Америки. Когнитивное осмысление практических достижений Америки способствовало позитивному представлению о перспективных возможностях развития Сибири. Сделан вывод, что в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова сибирский монизм эволюционирует, трансформируясь в сибирско-американский дуализм, обеспечивший концептуальную цельность ЯКМ писателя послеэмигрантского периода.

Ключевые слова

языковая картина мира, Г. Д. Гребенщикова, Сибирь, Россия, Америка, ключевые образы, монизм, дуализм

Для цитирования

Селиверстова Ж. Б., Джамбаева Ж. А. О монизме и дуализме языковой картины мира Г. Д. Гребенщикова: Сибирь vs Россия / Сибирь vs Америка // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 105–118. DOI 10.17223/18137083/94/8

© Селиверстова Ж. Б., Джамбаева Ж. А., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 105–118
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 1, pp. 105–118

On monism and dualism in the linguistic picture of the world of Georgy Dmitrievich Grebenshchikov: Siberia vs Russia / Siberia vs America

Zhanna B. Seliverstova¹, Zhanar A. Jambayeva²

^{1,2} L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan

¹ seliverst.zh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6686-3368>

² dzhambayeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3080-1194>

Abstract

This paper examines the integrity and diversity within the linguistic worldview of Georgy Dmitrievich Grebenshchikov, who was a writer, publicist, social activist, and first-wave post-revolutionary émigré. Through an analysis of his extensive literary output, two conceptual cores emerge: Siberia and America. During his pre-emigration period, Siberia served as the central image, primarily contrasted with Russia. However, after Grebenshchikov's move to the United States, America became a dominant element in his work, although traces of America appeared fragmentarily even before his emigration. The study finds that Grebenshchikov consistently processed American reality by comparing it with his native Siberia. His cognitive engagement with America's practical achievements fostered a positive vision for Siberia's developmental potential. The analysis concludes that Grebenshchikov's worldview underwent an evolution: a Siberian monism transformed into a Siberian-American dualism. In emigration, the image of Siberia was not lost but intensified through its parity with America, and this dualism ultimately provided the conceptual integrity of his post-emigration linguistic worldview.

Keywords

linguistic worldview, Georgy Dmitrievich Grebenshchikov, Siberia, Russia, America, key images, monism, dualism

For citation

Seliverstova Zh. B., Jambayeva Zh. A. O monizme i dualizme yazykovoy kartiny mira G. D. Grebenshchikova: Sibir' vs Rossiya / Sibir' vs Amerika [On monism and dualism in the linguistic picture of the world of Georgy Dmitrievich Grebenshchikov: Siberia vs Russia / Siberia vs America]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 1, pp. 105–118. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/94/8

Введение

Проблема изучения языковой картины мира (далее – ЯКМ) творческой личности (писателя, поэта) непосредственно связана с теорией языковой личности (далее – ЯЛ) Ю. Н. Караулова, предложившего трехуровневую структуру ЯЛ, сопоставимую с тремя аспектами изучения языкового знака: вербально-семантическим (уровень значения), когнитивным, или тезаурусным (уровень образов и представлений), прагматическим (уровень стилистической окрашенности) [Караулов, 2010].

Целью исследования является рассмотрение ЯКМ, а именно когнитивного уровня ЯЛ писателя, публициста, общественного деятеля, эмигранта первой послереволюционной волны Г. Д. Гребенщикова (1883–1964). Единицами исследования, когнемами, выступают ключевые образы ЯКМ писателя – *Сибирь* и *Амери-*

ка, методом рассмотрения которых избрано концептуальное со- и противопоставление.

Актуальность и новизна исследования определяются малой известностью фигуры Г. Д. Гребенщикова для современного читателя, несмотря на то, что его имя в истории русской литературы первой половины XX в. стоит рядом с такими именами, как А. М. Горький, И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, В. Я. Шишков и др., с которыми Г. Д. Гребенщикова связывали творческие и личные отношения. Как общественный деятель Г. Д. Гребенщиков тесно сотрудничал с Г. Н. Потаниным, Н. К. Рерихом, И. И. Сикорским, Ф. И. Шаляпиным, С. Т. Коненковым, А. Л. Толстой и др. Изучение интеллектуального наследия Г. Д. Гребенщикова уже имеет некоторые традиции, опирающиеся на историко-культурные [Сирота, 2007; Росов, 2021] и литературоведческие [Черняева, 2015; Мансков и др., 2018; Царегородцева, 2020] методы исследования. Вместе с тем предпринимаются некоторые попытки рассмотрения литературного наследия Г. Д. Гребенщикова с привлечением инструментария когнитивной лингвистики [Селиверстова, Жунусова, 2018; Селиверстова, 2022].

Доказательная база представлена произведениями Г. Д. Гребенщикова, опубликованными в современных изданиях, а также материалами периодики начала XX в. Кроме того, в исследовательскую эмпирическую базу включен личный документ из архива писателя, хранящийся в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА, Барнаул, Россия).

От сибирского к американскому когнитивному контексту

Исследование ЯКМ требует ее анализа во взаимосвязи с когнитивным контекстом ее носителя, поскольку является отражением персональной системы представлений об объективной действительности.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883–1964) родился и вырос за тысячи километров от европейских и азиатских столиц того времени – на Алтае (село Николаевский рудник Змеиногорского уезда Томской губернии – ныне Шемонаихинский район Восточно-Казахстанской области). На современной карте это приграничный район Восточного Казахстана, сопредельный с Россией и Китаем. Поэтому для пространственного понимания среды, где формировался Г. Д. Гребенщиков, есть основания применить один из классических подходов антропологии, а именно тезис о роли фронта, т. е. своеобразия сопредельных, порубежных территорий в культурном развитии [Turner, 2010]. С этой точки зрения малая родина Г. Д. Гребенщикова – это, во-первых, регион межкультурного русско-сибирского, европейско-азиатского взаимодействия и, во-вторых, естественный сибирско-степной рубеж, где Алтай переходит в бескрайнюю Степь.

С начала 1900-х гг., учитывая специфику доминирующего российского восприятия Сибири, Г. Д. Гребенщиков всё чаще начинает позиционировать себя в качестве сибиряка. В 1906 – первой половине 1910-х гг. в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Петербурге, Москве, Томске, Омске, Ясной Поляне, Владивостоке, а также Венеции, Ницце и других пространственных локациях Г. Д. Гребенщиков – «Сибиряк» [Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин..., 2008, с. 156–159]. Это подтверждает и членский билет общества русских драматических писателей, выданный в Петербурге в 1910 г., где его имя обозначено с уточняющим псевдо-

нимом – Г. Д. Гребенщиков (Сибиряк)¹. Не случайно критики того времени отмечали, что молодой писатель видит и слышит не только быт, но и душу Сибири [Клейнборт, 1916]. В 1910 г. в его творчестве под влиянием Г. Н. Потанина появляется также более локальное алтайское измерение и, соответственно, псевдоним «Алтаич» [Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин..., 2008, с. 159]. Однако на общероссийском уровне он остается преимущественно «Сибиряком» и в начале 1910-х гг. идентифицирует себя с *сибирской литературой и авторами-сибиряками* (Гребенщиков, 2013, т. 1, с. 474)².

Во второй половине 1910-х гг. для Г. Д. Гребенщикова, как и для его современников, произошла жесткая рефракция когнитивного пространства, закончившаяся эмиграцией в Америку в 1924 г. Важным моментом в судьбе писателя стала встреча с известным художником и философом Н. К. Рерихом в октябре 1923 г. в Париже. Схожесть взглядов на будущее родной Сибири и новые перспективы, открывающиеся для Г. Д. Гребенщикова в Америке, вдохновили его на отъезд из Европы. Следует отметить, что ранее писатель и сам думал о поездке в Америку: *В плане моих странствований Америка стояла примерно в 1925–1926 годах* (т. 4, с. 396). Встреча с Н. К. Рерихом лишь ускорила осуществление этого замысла.

Собственно таким – от сибирского к американскому – был общий контур трансформации когнитивного контекста Г. Д. Гребенщикова.

Сибирь vs Россия:

ЯКМ Г. Д. Гребенщикова (доэмигрантский период)

Понимание Сибири как потенциально весьма значимого региона стало одной из ключевых особенностей культурной самоидентификации сибиряков. Многими сибиряками-интеллектуалами Сибирь воспринималась не просто как типичный «внутренний» регион России, но как своеобразная страна со своими природными, историческими, этническими, лингвокультурными особенностями. Не случайно, выдающийся сибирский общественный деятель Г. Н. Потанин разработал концепцию культурного реформирования Сибири, реализация которой могла бы поднять благополучие Сибири на новый уровень [Дмитриенко, 2016, с. 74].

В ЯКМ Г. Д. Гребенщикова Сибирь – это страна, а Алтайские горы – естественная преграда *между двумя колоссальными странами, Китаем и Сибирью...* (т. 1, с. 514). Он припоминает, как в Томске был выставлен рисунок, на котором *дедушка Потанин прижимал к сердцу огромную... карту Сибири* (т. 1, с. 484). Радуясь, что будет возвращаться в *свою страну, в родную глушь* из Петербурга, Г. Д. Гребенщиков пишет: тот, кто *свою страну любит простой и свободной любовью*, тому такая любовь дает *только одно удовольствие* (т. 1, с. 473). Он абсолютно согласен с призывом, прозвучавшим на открытии Дома науки П. И. Макушина в Томске: *Пусть же вознесется над сибирской страной это солнышко...* (т. 1, с. 481).

Образ *Сибири* сопоставляется Г. Д. Гребенщковым в первую очередь с образом *России*. Сравнение это носит как эксплицитный, так и имплицитный характер. Например, имя томского художника М. М. Щеглова *уже достаточно популярно не только в Сибири, но и в России* (т. 1, с. 483). А героиня его романа «Чураевы»

¹ ГМИЛИКА. ОФ. Д. 15533/053. Л. 1.

² Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются том и страницы.

Надежда Сергеевна восхищенно пишет о Сибири отцу-профессору в Москву: *Ты не можешь себе представить, что это за страна...* (т. 1, с. 330). В то же время для мелкого чиновника из Петербурга Сибирь, наоборот, – это *дичь, ни общества, ни спорта, никаких удобств... Это ж какая-то ужасная страна!* (т. 1, с. 343).

В 1912 г. Г. Д. Гребенщиков покидает сибирский *родной угол* и едет в Петербург, *чтобы, перекинувшись через Урал, потолкаться... в так называемых центрах русской культуры и цивилизации...* (т. 1, с. 472). Выехав из Сибири на поезде, Г. Д. Гребенщиков за Уралом размышляет: *Все дальше к северу, все глубже в Россию, все ближе к ее беспутной голове – Петербургу...* (т. 1, с. 488). По северной дороге в Петербург он видит маленькие, жалкие деревеньки, бедноту и нищих на станциях и припоминает *пустынную, забытую и холодную, но пока еще сытую Сибирь...* И, припомнив, приходит в ужас от сомнения: *А не ухитрятся ли и ее уравнивать во всём с черноземной Рассеюшкой?* (т. 1, с. 489). Прибыв же в Петербург, замечает, что *сразу из вагона, то есть со всем привезенным в нем сибирским духом, вы попадаете сразу в котел, кипящий на парах изысканной цивилизации...* *А это так кружит голову...* (т. 1, с. 489).

Кроме Петербурга, в сопоставлении с Сибирью находится и Москва. Там, *в настоящей Москве* учится Василий Чураев. Оттуда, из Москвы, как подозревают алтайские христиане-староверы, приехал священник-миссионер (т. 1, с. 58, 88). И если Петербург – *беспутная голова*, то Москва – *душа России* (т. 2, с. 461). Купец-сибиряк Минаев рекомендует Викуле Чураеву хотя бы прокатиться по Москве: *город-то какой, увидите! Первопрестольный...* (т. 1, с. 102–103). Сам Г. Д. Гребенщиков не раз отмечает удаленность Сибири от Москвы: *Далеко лежат от Белокаменной сибирские поля, леса и горы* (т. 5, с. 43), – и даже использует весьма локальную территориальную формулу – *Москва-Россия* (т. 4, с. 173).

Художественный текст Г. Д. Гребенщикова фиксирует осмысление масштабов Сибири и России в столичном обществе. В романе «Чураевы» профессор Лаптев на лекции в Политехническом музее, проецируя на экран карту континента, поясняет: *Если бы вы, господа, сели на аэроплан и полетели из Москвы в Китай, то вам пришлось бы лететь... две тысячи верст над равнинами России* и затем, после Урала, еще три тысячи верст над *полупустынными пространствами*. И, *подлетая к Байкалу и озирая ширь Сибири, вы налево, вплоть до Ледовитого океана, увидели бы ту же бесконечную равнину... а направо вы не могли бы не заметить большой и синей каменной стены, которая тянется... около тысячи верст и отгораживает Сибирь от Китая...* (т. 1, с. 138–140). Тем самым Г. Д. Гребенщиков наглядно демонстрирует территориальное соотношение Сибири и исторической Руси / России.

Писатель подчеркивает контрастность восприятия образа *Сибири* в проевропейском обществе. В цивилизованном Петербурге *Сибирь* представляется *заморской, дикарской и необыкновенной страной...* (т. 1, с. 496–497). От столичных литераторов Г. Д. Гребенщиков слышит «странные вопросы»: *А как у вас каторга? Вы, вероятно, хорошо изучили быт ее героев... Ведь это какой материал богатый!..* На что отвечает: *Не всякий сибиряк соприкасается с каторгой*. Не случайно в Москве Наденька («Чураевы») воспринимает Викула как *большого бородастого сибирского медведя*, а Василия – как сибирского же *медвежонка* (т. 1, с. 137–138). Однако на лекции о Сибири она думает иначе: *Побывать бы там! Такое всё там новое, такое чистое!.. Как будто у царя Берендея* (т. 1, с. 140).

С другой стороны, увидев в Благородном собрании Петербурга сибирскую знать – шелк, бриллианты, декольте, Г. Д. Гребенщиков заключает: *Вот почему все в России думают, что сибиряки рассчитываются не чеканной монетой, а слитками золота* (т. 1, с. 501). Как видим, образ Сибири и сибиряка в российском столичном обществе начала XX в. наполнен мифами и стереотипами.

Сопоставление образов Сибири и Руси / России в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова имеет и ретроспективную сторону. Он подчеркивает, что *средневековая Русь раскололась на части и потекла за Урал в Сибирские черневые тайги* (т. 1, с. 517). В результате этого «потока» писатель также видит оппозицию, но уже иную. В то время, когда Россия предпринимала попытки европеизироваться, в Сибири, на Алтае сохранился прежний, московский уклад. Г. Д. Гребенщиков отмечает, что, попав в Бухтарминский край, человек *невольно переносится в седую старину Руси Московской...* (т. 1, с. 516). Местные сельские строения представлены домами древнерусской архитектуры (т. 1, с. 533), а *ясаиные люди из бывших рабов выросли в почетных бояр и витязей, не знавших над собою никого, кроме господ Бога* (т. 1, с. 531). И когда встречаешь *расфранченных бухтарминцев – представительных бородатых мужиков, правящих ретивыми конями, кажется, что Московская Боярская Русь ожила и благополучно здравствует...* (т. 1, с. 539). Та же картина в письме А. М. Горькому: *Вот верхом на лошади подъехал мужчина... Боже мой, да это сказочный витязь... Что за осанка, взгляд, борода черная по пояс...* (т. 1, с. 540). Для Г. Д. Гребенщикова очевидно, что *жизнь этих людей еще полна своеобразной мощи, делающей их совершенно непохожими на приниженного и ограниченного крестьянина центральной России* (т. 1, с. 540). Алтайские сибиряки выражают силу, краски, смех и, главное, ту чисто сибирскую лесную независимость, какой не знает черноземная Россия (т. 1, с. 333). А на сибирских рудниках, где русских девушек было мало, *горняки-шахтеры иногда женились на инородках*. Было и иное, когда русские сибиряки брали в зятья инородцев. От такого смешения и *поныне лица некоторых русских в Сибири отличаются высокою скулой, темным цветом кожи, узкими глазами и коротким носом* (т. 6, с. 19). Констатируя это, писатель показывает, как старая московская Русь переплелась с азиатской Сибирью.

Безусловно, Г. Д. Гребенщиков был истинным сибирским патриотом. Вместе с тем он не идеализирует Сибирь, он знает сибирский народ и замечает *вытирающую сибирскую антикультурность, дремучее, непроходимое невежество таежных людей* (т. 3, с. 393). Однако в целом люди в Сибири *крепче и толковее* (т. 4, с. 423).

Таким образом, в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова доэмигрантского периода Сибирь – это *ширь, свободные поля, раздольные и бесконечные равнины. Это необозримое пространство, которое поглощает, и невообразимая даль, которая пугает*. Но затем – порождает удивление и восторг.

Сибирь – это *аутентичная лесная независимость*, которой не знает черноземная Россия. Сибирь – *пустынная, холодная, но сытая*, а Россия – *густонаселенная пашня, но бедная*. С другой стороны, Россия – страна, куда можно уйти молодому сибиряку. Москва – это *душа России*, город, который обязательно надо увидеть. Петербург – это *суэта и шум, беспутная голова*. Поэтому для сибиряка длинная обратная дорога в *родную глушь не неведомая, а приятная*.

**Сибирь vs Америка:
ЯКМ Г. Д. Гребенщикова (послеэмигрантский период)**

Не рассматривая в данной работе прагматический уровень ЯЛ Г. Д. Гребенщикова, отметим наличие персональных мотивационных предпосылок к эмиграции в Америку. Г. Д. Гребенщиков по натуре – путешественник, человек странствий. Еще в 1911 г. он иронично называет себя довольно редким для того времени иностранным словом *турист* (Гребенщиков, 1911, № 13). А в 1912 г. уже серьезно напишет: *Мне хочется бесконечно ехать по земле из края в край, от моря до моря и внимательно всё осматривать, всё понять и над всем задуматься* (т. 1, с. 473). Позднее, в мае 1917 г., возвращаясь на автомобиле из Киева на фронт Первой мировой войны, Г. Д. Гребенщиков заявил своему спутнику: *Если войну окончим без позора – поедем вот так, на машине, вокруг света!* (т. 2, с. 431).

Примечательно, что образ *Америки* впервые появляется в ЯКМ писателя задолго до отплытия за океан. В частности, путевые очерки по Сибири, написанные в 1911 г., уже содержат американские образы («Алтайская Калифорния» (Гребенщиков, 1911, № 133), «Сибирский Чикаго» (Гребенщиков, 1911, № 33)), т. е. уже на раннем этапе творчества Г. Д. Гребенщикова *Америка* фрагментарно присутствовала в его ЯКМ доэмигрантского периода.

В 1920 г. образ *Америки* вновь появляется на страницах Г. Д. Гребенщикова – в виде американской миссии на Принцевых островах в Мраморном море, где располагался лагерь русских беженцев. В детском стремлении мальчика-сироты, мечтающего сбежать от родителей и *начать свои поиски Америки*, Г. Д. Гребенщиков видит желание обрести новую родину в стране, *не тронутой ни потрясениями войны, ни политическими авантюрами, ни катастрофами моральными, ни братоубийственной гражданской войной, ни страшным царем-голодом* (т. 4, с. 395–396). Наконец, после эмиграции в США в 1924 г., образ *Америки* прочно входит в авторский художественный текст как доминантный смысл ЯКМ писателя.

Направляясь в Америку, писатель-сибиряк – *щепка корабля, построенного на далеком северо-востоке* (т. 3, с. 395) – воспринимает себя не эмигрантом-беглецом, а *посланцем из далекой Сибири*. Уже восемь лет длится его *путешествие из Сибири*, на пути которого были *препятствия в виде войн и революций*, но теперь его *путь лежит в Америку* (т. 4, с. 400). Во время подготовки к отбытию приходит трезвое понимание, что Америка потребует *больших жертв*, следовательно, *надо научиться терпению, труду, экономии времени и средств* (т. 4, с. 398).

И вот Г. Д. Гребенщиков в Америке. Как встретились *Сибирь* и *Америка* в его ЯКМ? Когнитивное осмысление *Америки*, естественно, происходило постепенно. Но перманентной характеристикой познания американской действительности оставалось сопоставление с родным образом *Сибири*. Неизбежное при познании новой реальности обращение литератора к уже имеющемуся когнитивному опыту привело к первичному сопоставлению Америки, обладающей большими техническими и культурными возможностями, *с другой страной, еще более великой, но находящейся в культурном младенчестве и потому-то обещающей неслыханные радости не только самой себе, но и всей грядущей жизни человечества* (т. 4, с. 407). Когнитивное осмысление значительных достижений Америки, прошедшей свой период *немалой темноты* (т. 5, с. 252), способствовало еще более ак-

центрированному представлению о перспективных возможностях Сибири на глобальном уровне.

Интересно, что практически сразу писателю-сибиряку, *знающему широту и вольность молодой страны Сибирь, берега Америки почуялись сродни* (т. 4, с. 401). В путешествиях от Нью-Йорка вверх по реке Гудзон он впервые в Америке почувствовал *вместо камня и асфальта – землю*. Там, у городка Колд Спринг на склоне гор Торос Маунтин, *под сплошной стеною недоступных скал, задрапированных многовековыми дубами*, литератор располагался *бивучным порядком, совсем как где-нибудь в Сибири на охоте*. А дальше – *феерически красивое зрелище*: внизу течет широкая река, а за нею *сине-маревые горы, как на Алтае* (т. 4, с. 407–408). Тропинка ведет в *подлинную таежную глушь*. Вдруг шум – это взлетает выводок тетеревов, и *смешно думать, что это не Сибирь, а Америка, что мы всего в шестидесяти милях от Нью-Йорка...* (т. 4, с. 410). Но вот – вершина, с которой путники видят *просторы необъятные, целую страну*. На горизонте за хребтами – *дивные равнины*. Там начинается *безбрежная и тороватая Америка*, которую нельзя увидеть из Нью-Йорка. Г. Д. Гребенщиков признается: *Да, мы почуяли и поняли, почему столь многие пришедшие в Америку... так скоро забывают свою родину и отдаются этим просторам, как ласковой родной земле...* Возвращаясь вдоль горного ручья, *как в хорошем сне*, путники услышали звон колокольчиков – *то паслись коровы в лесу. Совершенно так, как на Алтае...* И писатель *шел, смотрел на лес и горы и сладко верил – я дома* (т. 4, с. 411–412). Впоследствии, объездив Америку, он замечает: *...и простору же в 48 штатах – целая Сибирь* (т. 5, с. 375).

Интерпретация литературного текста Г. Д. Гребенщикова послеэмигрантского периода дает возможность утверждать, что именно позитивные образы природы Америки помогли сохранить в душе писателя чувство к давно покинутой родине – Сибири: *Разве здесь в Америке, не раздольны, не прекрасны, не свободны, не менее просторные поля, не менее густые и чудесные леса, не менее высокие горы с вечными снегами? Не я ли любовался всеми красотами великих просторов Америки, не я ли исколесил Америку из края в край? И полюбил землю Колумба не менее, чем землю Ермака Тимофеевича* (т. 6, с. 305).

Г. Д. Гребенщиков бережно сохранил в своей картине мира далекую родину. Именно в Америке он написал обширную статью-лекцию «Сибирь и ее прошлое», в которой развернул историческую панораму Сибири (т. 5, с. 320–341). Сибирь имманентно присутствует на новом, американском этапе эволюции ЯКМ писателя. Более того, Г. Д. Гребенщиков в Америке называет тему Сибири *своим большим необъезженным конем*, на которого он с азартом *вскакивал* (т. 4, с. 429, 431). При этом наличие образа Сибири в «американской» ЯКМ – это не эмигрантская ностальгия, а призыв к действию. Г. Д. Гребенщиков укрепился в своем творческом, деятельном оптимизме: *мне, как всегда, хочется многие слова и образы свои воплощать в действие* (т. 4, с. 474). Закономерно, что, как общественный деятель, он стремится установить связь между Сибирью и Америкой путем лекций, книг, корреспонденций (т. 4, с. 477). Его душа тянется к Сибири *из-за великого моря-океана, из далеких земель Америки* (т. 4, с. 208). Поэтому, когда в марте 1943 г. Г. Д. Гребенщиков пишет письмо советским морякам, прибывшим в Америку, он персонифицирует себя как человека *из Сибири* (т. 6, с. 310).

Несмотря на то что немалая часть русских эмигрантов в Европе полагала, что в *благословенной стране Америке вместо травы растут доллары* (т. 4, с. 397), сам Г. Д. Гребенщиков на *золотые россыпи* не рассчитывал: *не за долларами же*

я еду, в самом деле (т. 4, с. 400). Как литератор, он был нацелен на *поиски новых приключений* (т. 4, с. 396), а как деятельная личность – вдохновился, как известно, созданием «Сибирского скита», к чему звал его опыт и новые реалии: *увлекли меня американские масштабы деловитости* (т. 4, с. 474). В Америке он *нашел то, что имел только на Алтае, – тишину, чистоту и независимость* (т. 4, с. 298).

В 1925 г. Г. Д. Гребенщиков начал строительство поселка для русских эмигрантов – писателей, артистов, ученых. Будущие жители поселка назвали его Чураевкой, по родовому имени героев романа Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» (т. 4, с. 473). В 1988 г. поселок был включен в Национальный список исторических мест США (National Register of Historic Places) под названием «Churaevka Village», став федеральным памятником американской культуры в штате Коннектикут. При этом название «Churaevka» сохранилось как историческое имя, а публичным именем, отраженным на картах США, стал топоним – «Russian Village»³. Однако, энергично обустривая американскую Чураевку, Г. Д. Гребенщиков не забывал родную Сибирь. В 1927 г. он пишет семипалатинскому другу А. Н. Белослюдову, что строит Чураевку для того, *чтобы научиться строить в лучшей из стран мира – в Сибири* (т. 4, с. 475).

Как же проявился образ Америки в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова?

Америка Г. Д. Гребенщикова – это *свободная* (т. 4, с. 229), *практичная* (т. 6, с. 378), *благословенная* (т. 6, с. 310), *замечательная, всегда молодая* (т. 5, с. 375) страна. *Американский народ вынослив, закален в труде, предусмотрителен и находчив, бодр, весел и неутомимо жаждет к жизни – есть в нем какая-то невянущая молодость* (т. 4, с. 407). В Америке *семь дней в неделе – праздник, ибо и трудятся они как-то весело и колоритно* (т. 5, с. 375). *Америка – праздник великого благополучия для всех, кто трудится* (т. 6, с. 387).

Просторы Америки навевают мысли о *бесконечности жизни, о бесчисленных будущих поколениях – без различия наций, религий и рас* (т. 6, с. 305–306). Г. Д. Гребенщиков пишет: *великая, многоплеменная Америка* (т. 5, с. 320), *величайшее из свободных государств* (т. 4, с. 406), *соединенное могучей силой американского гражданства* (т. 6, с. 386). Масштабы Америки таковы, что *тома можно написать на ее тысячемильных путях* (т. 6, с. 310).

Однако Г. Д. Гребенщиков не ослеплен Америкой и отмечает, что *для Америки опасно устремление только по пути материального прогресса* (т. 5, с. 343). Кроме того, *американцы, несмотря на свою демократичность, очень любят внешний блеск* (т. 4, с. 398). В письме И. А. Бунину писатель сожалеет: *Америка в смысле оценки и продажи изящной литературы очень бедна, в Америке интеллигент находится в рабской зависимости от сугубого материализма*. Жизнь в Америке, по сравнению с Европой, более *ускоренная и грубая*. Однако тут же делает позитивное примечание: *Но Америка – страна чудесная. Природа божественная, удобства во всем – совершенные* (т. 5, с. 382–383).

Г. Д. Гребенщиков видит в Америке (до Великой депрессии) *идеал благополучия*, но замечает, что такой идеал существовал в былое время и в Сибири – *в наиболее сытой и самообузданной крестьянской среде* (т. 5, с. 252). А однажды он сам себя не без иронии парадоксально обозначил как *важного сибирского лорда* (т. 5, с. 269). Годы Великой депрессии, которые писатель назвал *неслыханно*

³ См.: National Register of Historic Places Continuation Sheet nominate for Russian Village Historic district // National Park Service [website]. URL: <https://npgallery.nps.gov/pdfhost/docs/NRHP/Text/88002687.pdf> (дата обращения 23.01.2024).

тяжелыми (т. 5, с. 302), ему помогла преодолеть *неистребимая жизненная сила* сибиряка (т. 3, с. 462). Но так же трудились и американцы, потому что *ключ к успеху в Америке – труд и только труд* (т. 6, с. 387). Сам Г. Д. Гребенщиков не только освоил весь цикл типографской работы, но и с 1930 г. начал совершать автомобильные поездки по Америке: *ношу из конца в конец Америки* (т. 5, с. 375). Распространенная в Америке жизнь в кредит заставила его совершать рабочие многомесячные поездки с лекциями *от океана до океана* (т. 5, с. 379). Оценивая окружающую его реальность, Г. Д. Гребенщиков называет жизнь в Америке *трудным приключением* (т. 5, с. 383) и подчеркивает: *могла бы в пыль нас растоптать механическая, сумасшедшая в спешке Америка, но не растоптала, не далась...* (т. 5, с. 375).

С особенной силой мысль о *Сибири* развернулась в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова в Америке: усиливается образ Сибири как *необозримой страны великой беспредельности* (т. 6, с. 305), возникают образы *ледяной и сказочной Сибири* (т. 3, с. 462), *северного Сфинкса-Великана*, который *во тьме полуночной и в пелене ледяных выюг не разгадан и никому не понятен* (т. 4, с. 52). Во втором томе «Чураевых» (1925) присутствует метафора пути семьи Василия Чураева в заветную долину. Неожиданно, *будто перед ними развернулся необъятный папирус с непонятной клинописью, – так была чудесна вся усеянная нивами и лугами, широчайшая и совсем новая земля* (т. 1, с. 370). *А ведь это только краешек родной земли! –* сказал Василий детям. *– А вся Сибирь? Вот где действительно непочатый край возможностей людских и чудес грядущих!* (т. 1, с. 371).

Заключение

Образ *Сибири* в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова доэмигрантского периода раскрывается через концептуальное сопоставление *Сибирь vs Россия* (и более узкое – *Сибирь vs Петербург / Москва*).

Г. Д. Гребенщиков отделяет *сибирский дух* от *паров изысканной цивилизации*. Петербург для него – *яркий сон*, а *Сибирь – тускловатая, но близкая и понятная действительность*. Для столичных же людей *Сибирь – средоточие мифов*. Это «дикарская, ужасная» страна, страна «каторги», а сами сибиряки – «медведи» и «медвежата». С другой стороны, *Сибирь – это заморская, новая и чистая, необыкновенная страна*.

Кроме того, в ЯКМ Г. Д. Гребенщикова присутствует еще одна парадоксальная оппозиция: *Россия vs Алтайская Русь*. Именно Сибирь (в то время, когда Россия менялась, европеизировалась) сохранила в некоторых своих углах *средневековую Русь, Русь Московскую*, где вольные сибирские крестьяне напоминают *почетных бояр и сказочных витязей*. С другой стороны, Сибирь стала местом межэтнического «смешения» русских и азиатских народов, что повлияло на облик сибиряков.

Изучение литературного текста Г. Д. Гребенщикова показывает, что *Сибирь* была не просто важным смыслом, а находилась в центре его доэмигрантской ЯКМ. Даже сопоставление с Россией усиливало, а не ослабляло сибирецентричность ЯКМ писателя. Можно утверждать, что сибирское семантическое ядро обеспечило концептуальную цельность, концептуальный монизм и препятствовало фрагментированности ЯКМ Г. Д. Гребенщикова. Последующие исторические катаклизмы внесли, безусловно, коррективы в его мировидение. Однако война

и эмиграция не нивелировали сибирскую ориентацию Г. Д. Гребенщикова. Как и прежде, он подчеркивает, что *вскормлен простором Сибири* (т. 2, с. 429).

Американский когнитивный опыт расширил ЯКМ писателя. И, несмотря на то, что образ *Сибири* по-прежнему находится в центре его ЯКМ, образ *Америки* также занимает значимое место в мировосприятии писателя.

Г. Д. Гребенщиков антиномически не противопоставляет *Сибирь* и *Америку*. Несмотря на положительное восприятие американской действительности, в «американской» ЯКМ писателя сибирский монизм не замещается на монизм американский. Образ *Америки* не вытесняет образ *Сибири*. Как верно и обратное утверждение: образ *Сибири* не отрицает новый для него образ *Америки*.

В ЯКМ Г. Д. Гребенщикова происходит интеграция образов *Сибири* и *Америки* в симфоническое, дуалистическое объединение. Новые американские впечатления усиливают прежние сибирские образы. Сам литератор отчетливо осознает дуалистический характер персональной картины мира, называя это явление «сдвоенной любовью»: *Именно эта сдвоенная любовь к двум великим странам, близость к двум великим народам, к двум природам делает весь мой жизненный путь наилучшей симфонией. Делает меня несметно богатым человеком, богатства которого никто не отнимет, не разрушит. Богатства, которые я хотел бы щедро раздавать...* (т. 6, с. 305).

Можно констатировать, что если в 1910-е гг. именно *Сибирь* придавала цельность ЯКМ Г. Д. Гребенщикова, то на новом, американском этапе цельность ЯКМ писателя достигалась через сибирско-американский дуализм. Концептуальное противопоставление *Сибирь* vs *Америка* – это не альтернативная поляризация смыслов. Значимость сибирско-американского дуализма ЯКМ Г. Д. Гребенщикова заключается в том, что «сдвоенная любовь» взаимно возвышает образы *Сибири* и *Америки* в картине мира писателя, несмотря на все критичные и переменчивые обстоятельства XX в.

Список литературы

Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / Сост., вступ. ст. Т. Г. Черняевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 212 с.

Дмитриенко Н. М. Григорий Николаевич Потанин как историк Сибири // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 406. С. 72–80. DOI 10.17223/15617793/406/11

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

Клейнборг Л. Н. Беллетристы-самоучки // Современный мир. 1916. № 1. С. 160–178.

Мансков С. А., Семилет Т. А., Деминова М. А., Лукашевич Е. В. Военная публицистика Георгия Гребенщикова в газете «Жизнь Алтая» 1916 года // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 19–29. DOI 10.17223/18137083/62/2

Росов В. А. Георгий Гребенщиков: сын Белухи. Барнаул; Новосибирск: Экселент, 2021. 544 с.

Селиверстова Ж. Б. Конвергентно-концептуальный алгоритм исследования художественного концепта Сибирь в тексте Г. Д. Гребенщикова: опыт системно-уровневой модели // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2022. № 80. С. 133–161. DOI 10.17223/19986645/80/7

Селиверстова Ж., Жунусова Ж. Метафорическая экспликация концепта «Америка» в когнитивном контексте Г. Д. Гребенщикова // *Studia Slavica Hung.* 2018. № 63/2. С. 417–425. DOI 10.1556/060.2018.63.2.20

Сирота О. С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурно-просветительская деятельность и литературное творчество писателя-эмигранта Г. Д. Гребенщикова: Дис. ... канд. культурологии. М., 2007. 204 с.

Черняева Т. Г. Забытый русский писатель. О собрании сочинений Георгия Гребенщикова // *Сибирские огни.* 2015. № 1. С. 161–171.

Царегородцева С. С. Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. М.: Инфра-М, 2020. 127 с.

Turner F. *The Frontier in American History.* Mineola; New York: Dover Publ., 2010. 400 p.

Список источников

ГМИЛИКА (Государственный музей истории литературы, искусства и культуры ры Алтая). ОФ. Д. 15533/053. Л. 1. Членский билет общества русских драматических писателей на имя Г. Д. Гребенщикова.

Гребенщиков Г. Д. По городам Сибири. В Ново-Николаевске // *Сибирская жизнь.* 1911. № 33. С. 2.

Гребенщиков Г. Д. По городам Сибири. В Усть-Каменогорске // *Сибирская жизнь.* 1911. № 133. С. 2.

Гребенщиков Г. Д. По городам Сибири. От Томска (Записки туриста) // *Сибирская жизнь.* 1911. № 13. С. 2.

Гребенщиков Г. Д. Собр. соч.: В 6 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2013.

References

Chernyaeva T. G. Zabytyy russkiy pisatel'. O sobranii sochineniy Georgiya Grebenshchikova [The forgotten Russian writer. About the collected works of Georgy Grebenshchikov]. *Sibirskie ogni.* 2015, no. 1, pp. 161–171.

Dmitrienko N. M. Grigoriy Nikolaevich Potanin kak istorik Sibiri [Grigory Nikolaevich Potanin as a historian of Siberia]. *Tomsk State University Journal.* 2016, no. 406, pp. 72–80. DOI 10.17223/15617793/406/11

G. D. Grebenshchikov i G. N. Potanin: dialog pokoleniy (pis'ma, stat'i, vospominaniya, retsenzii) [G. D. Grebenshchikov and G. N. Potanin: a dialogue of generations (letters, articles, memoirs, reviews)]. T. G. Chernyaeva (Comp.). Barnaul, Izd. Alt. univ., 2008, 212 p.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI, 2010, 264 p.

Kleinbort L. N. Belletristy-samouchki [Self-taught fiction writers]. *Sovremennyy mir.* 1916, no. 1, pp. 160–178.

Manskov S. A., Semilet T. A., Deminova M. A., Lukashevich E. V. Voennaya publitsistika Georgiya Grebenshchikova v gazete “Zhizn' Altaya” 1916 goda [Military journalism of Georgy Grebenshchikov in the newspaper “Life of Altai” in 1916]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2018, no. 1, pp. 19–29. DOI 10.17223/18137083/62/2

Rosov V. A. *Georgiy Grebenshchikov: syn Belukhi* [Georgiy Grebenshchikov: son of Belukha]. Barnaul, Novosibirsk, Ekselent, 2021, 544 p.

Seliverstova Zh. B. Konvergentno-kontseptual'nyy algoritm issledovaniya khudozhestvennogo kontsepta Sibir' v tekste G. D. Grebenshchikova: opyt sistemno-urovnevoy modeli [Convergent-conceptual algorithm for the study of the artistic concept Siberia in the text of G. D. Grebenshchikov: the experience of a system-level model]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2022, no. 80, pp. 133–161. DOI 10.17223/19986645/80/7

Seliverstova Zh., Zhunusova Zh. Metaforicheskaya eksplikatsiya kontsepta “Amerika” v kognitivnom kontekste G. D. Grebenshchikova [Metaphorical explication of the concept “America” in the cognitive context of G. D. Grebenshchikov]. *Studia Slavica Hung.* 2018, no. 63/2, pp. 417–425. DOI 10.1556/060.2018.63.2.20

Sirota O. S. *Problemy sokhraneniya i razvitiya russkoy kul'tury v usloviyakh emigratsii pervoy volny: kul'turno-prosvetitel'skaya deyatelnost' i literaturnoe tvorchestvo pisatelya-emigranta G. D. Grebenshchikova* [Problems of preservation and development of Russian culture in the conditions of emigration of the first wave: cultural and educational activities and literary work of the emigrant writer G. D. Grebenshchikov]. Cand. of cult. studies diss. Moscow, 2007, 204 p.

Tsaregorodtseva S. S. *Roman G. D. Grebenshchikova “Churaevy” v sotsiokul'turnom kontekste epokhi* [G. D. Grebenshchikov's novel “The Churaevs” in the socio-cultural context of the epoch]. Moscow, Infra-M, 2020, 127 p.

Turner F. *The frontier in American history*. Mineola, New York, Dover Publications, 2010, 400 p.

List of sources

Gosudarstvennyy muzey istorii literatury, iskusstva i kul'tury Altaya [State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai]. OF. D. 15533/053. L. 1. Chlenskiy bilet obshchestva russkikh dramaticheskikh pisateley na imya G. D. Grebenshchikova [Membership card of the Society of Russian Dramatic Writers in the name of G. D. Grebenshchikov].

Grebenshchikov G. D. Po gorodam Sibiri. Ot Tomsk (Zapiski turista) [Through the cities of Siberia. From Tomsk (Notes of a Tourist)]. *Sibirskaya zhizn'*. 1911, no. 13, p. 2.

Grebenshchikov G. D. Po gorodam Sibiri. V Novo-Nikolaevske [Through the cities of Siberia. In Novo-Nikolaevsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 1911, no. 33, p. 2.

Grebenshchikov G. D. Po gorodam Sibiri. V Ust'-Kamenogorske [Through the cities of Siberia. In Ust'-Kamenogorsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 1911, no. 123, p. 2.

Grebenshchikov G. D. *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected works in six volumes]. Barnaul, Barnaul, 2013.

Информация об авторах

Жанна Болатовна Селиверстова, PhD, и. о. доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Жанар Абинсериковна Джамбаева, доктор филологических наук, ассоциированный профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Information about the authors

Zhanna B. Seliverstova, PhD, Acting Assistant Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Zhanar A. Jambayeva, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

*Статья поступила в редакцию 07.02.2024;
одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 13.05.2024
The article was submitted on 07.02.2024;
approved after reviewing on 13.05.2024; accepted for publication on 13.05.2024*